КОЛЛИЗИИ ИДЕИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В БЕЛОРУССКОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

В.В. Старостенко

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Беларусь

Существенным компонентом этнического самосознания белорусов со времени его зарождения являлась идея культурно-исторического родства со славянским миром. Она основывалась на осознании общих генетических и исторических корней, родства языка, культуры, вероисповедных ценностей и т.д. [1] В XVII в. эта идея получила отражение в творчестве Ф.Иевлевича ("Лабиринт"), З.Копыстенского ("Палинодия"), П.Могилы ("Лифос", "Требник"), С.Косова ("Патерик печерский"), А.Кальнофойского ("Тератургима"), Т.Сурты (Могилёвская хроника), в белорусских и украинских списках "Задонщины", "Мамаева побоища" и т.д. В этот же период стараниями П.Могилы приобретает широкую популярность культ князя Владимира как "крестителя Руси", символа расцвета, силы и могущества Древнерусского государства. Обращение к древнерусским традициям питало разнонаправленные тенденции отечественной мысли – и идею религиозно-культурной самодостаточности белорусско-украинской "Руси", которая содержала потенциальную предпосылку государственного и конфессионального суверенитета, и идею, отрицающую политическое размежевание белорусов и украинцев с русским народом.

Одной из форм выражения восточнославянского единства выступала идея политической интеграции с Россией (в советской историографии – "воссоединение с Россией"). Она возникает примерно на рубеже XV–XVI вв. (после освобождения Северо-Восточной Руси от золотоордынского ига), и получает развитие по мере формирования великодержавной идеологии. В XVII в., в условиях усиления римо-католицизма и жесткого общественного противостояния вокруг Брестской унии, за интеграцию с московским православием и вхождение белорусских и украинских земель в состав Русского государства выступали такие видные культурные и церковные деятели, как И.Борецкий, И.Копинский, А.Филиппович и др. Идея политической ориентации на Москву проступает уже в работах 1620-х гг. З.Копыстенского. Примером может служить его посвящение к "Беседам" И.Златоуста (1623), в котором Владимир Мономах восхвалялся за то, что "Речь Посполитую Российскую незгодами и внутрними войнами сынов и потомков… утрапленую успокоил… князства Роскии разорваныи знову целностю своею в едино споил и злучил и до единовладства по-старому привел". Преемниками единовластного правителя "Руси" Копыстенский объявлял "все цареве Московскии".[2]

В белорусской мысли второй четверти XVII в. наиболее последовательным сторонником объединения с Россией являлся А.Филиппович. В "Истории путешествия в Москву", адресованной царю Алексею Михайловичу, он повествует о тяжёлом положении православных Речи Посполитой, пытаясь убедить русского самодержца в необходимости освобождения угнетаемых единоверцев. Цель своей поездки в Москву Филиппович облекает в сакрально-мистические формы, во время одного из "чудесных

1 Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X – XVII вв.). Могилев, 2001.

2 Пашуто В.Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 206.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

видений" Богородицы он "правдиво слышалем" божественное повеление: "Афанасий, иди до Царя Михаила и рци ему: звитяжай неприатели наши; бо южь час пришол, мей образ Пречистое в кресте Купятицкий на хоругвях военнных для милосердя; и в битви той каждого чловека, мянуючогося православным, здорово заховай".[1] Тем самым идею вмешательства Москвы во внутренние дела Речи Посполитой, защиты национально-религиозных прав белорусского и украинского народов Филиппович представляет как святое дело, получивнее санкцию и одобрение Бога.[2] Воззрения мыслителя необходимо рассматривать в контексте социально-политической и религиозной действительности на белорусских и украинских землях конца XVI – первой половины XVII вв., которая характеризовалась беспрецедентным подавлением религиозной свободы, преследованиями и унижениями православного населения за вероисповедные убеждения, что обусловило размывание толерантной ментальности белорусского и украинского народов, рост нетерпимости в обществе, жесткие формы борьбы в период народных движений и войн середины – второй половины XVII столетия.

Общественно-политические противоречия в Речи Посполитой ярко проявились в период войны России с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг. Социальная и национально-религиозная ситуация на белорусских землях первоначально способствовали военным успехам Москвы. В настроении широких слоев Восточной Беларуси, в сознании крестьянства, горожан, части шляхты присутствовал образ "царя-освободителя". Представители белорусского духовенства, посещавшие Москву в начале 1650-х гг., рисовали картину жестоких притеснений православного населения властями Речи Посполитой, убеждали царя выступить в роли защитника, заверяя, что белорусы окажут его армии широкую поддержку. Характерным примером служат "расспросные речи" в Посольском приказе игумена полоцкого Воскресенского монастыря Анфиногена Крыжановского (1651). Игумен уверял, что Речь Посполитая и "папеж" стремятся уничтожить "Русь", "всех белорусцов снесть и християнскую веру искоренить", о чём "белорусцом всем ведомо подлинно". Поэтому его "послали ко государю ис Полоцка все белорусцы… и велели ему бити челом государю, чтоб он, великий християнский государь, их, белорусцов, принял в свою государскую оборону, а ляхом их не выдал", иначе "всем будет погибель". Крыжановский предсказывал, что в случае вступления Алексея Михайловича в войну "белорусцы.., сколько их есть, все в те поры востанут на ляхов заодно" и "тех белорусцов зберетца со 100000 чел(овек).[3] О готовности населения Беларуси "православные християнские веры" выступить совместно с украинским войском против польской шляхты заявлял в Посольском приказе в том же году монах оршанского Кутеинского монастыря Григорий: "Смоленского, и Оршанского, и Минского, и Могилевского, и иных городов всяких чинов люди подоймутца на поляков. И учинят у себя таких Хмельницких 10 чел(овек), а войска со 100000 чел(овек) и учнут Польшу и Литву воевать… против их, поляков, стоять и битца, пока их мочи будет".[4] Аналогичные сообщения о стремлении "белоруских людей… с лехи битца" и "быти под высокою рукою" русского царя исходили и от окружения Б.Хмельницкого: "… в литовских городех, в Могилеве и в ыных городех, всякие люди благочестивые веры желают быти под высокою рукою великого государя нашего е(го) ц(арского) вел(ичества)".[5]

На начальном этапе войны, начавшейся летом 1654 г., московские войска

1 Памятники полемической литературы в Западной Руси. Пб., 1878. Кн. 1 (РИБ. Т. 4). С. 50, 59.
2 Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мінск, 1990. С. 244-245.
3 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 53-54.
4 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 51.
5 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 59.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

действительно получили поддержку значительной части населения Восточной Беларуси. Воевода И.И.Салтыков "отписывал" царю в июне 1654 г. о настроениях полочан: "... говорят – за что де им, полочанам, с твоими государевыми ратными людьми битца, они, полочане, той же православной християнской веры".[1] "И меня, холопа твоего, и полковника Костянтина Поклонского могилевцы всяких чинов люди встретили честно, со святыми иконами, и пустили в город" – докладывал в августе воевода М.П.Воейков.[2] В военных донесениях королю Речи Посполитой в том же году сообщалось: "Одна надежда на господа бога… Здешние города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское"; "Мужики молят бога, чтобы пришла Москва".[3] Без боя сдались Дисна, Кричев, Орша, Полоцк и некоторые другие города. Из белорусского крестьянства, горожан и шляхты организовывались союзные русским войскам отряды, городская и сельская беднота вливалась в пришедшие с Украины казацкие загоны. Однако вскоре, примерно с конца 1654 г. стало наблюдаться изменение отношения народных масс Беларуси к царской армии. В ряде городов происходят антимосковские выступления, на Смоленщине, Мстиславщине, Полотчине, Могилёвщине, Витебщине и других землях возникают крестьянские отряды самообороны ("шиши") – первые известные в истории Беларуси партизанские отряды. В обществе происходит раскол на перешедших на сторону России и нежелающих принимать русского подданства, сопротивляющихся "освободителям", приведший к вооружённой борьбе между ними. В дальнейшем (1658–1661 гг.) развернулось массовое антимосковское движение.[4]

Этот процесс был обусловлен рядом обстоятельств, но прежде всего непоследовательной политикой Алексея Михайловича, поведением его администрации, действиями российских войск и союзных им украинских казацких отрядов, наёмников на занятой территории. Царское правительство декларировало неприкосновенность жизни и собственности перешедших под "высокую государеву руку", горожанам выдавались "сберегательные" грамоты, разрешения на торгово-ремесленную деятельность и т.п. Однако реальностью для многих городов, местечек, сёл, населения всех конфессий стали самоуправство царских войск и военной администрации, грабежи, реквизиции и конфискации, мародёрство, массовое насильственное переселение жителей ("литовский полон") в пределы России, недружественные акты в отношении православного духовенства, не говоря уже о других вероисповеданиях, оказавшихся "вне закона". Это закономерно привело к утрате прежней широкой социальной базы и в конечном счёте повлияло на итоги войны России с Речью Посполитой.[5]

Изменение отношения белорусского мещанства к российской военной администрации может быть проиллюстрировано на конкретном примере поведения могилёвского "поспольства", находившегося в течение шести лет под властью России. Несмотря на добровольный переход в августе 1654 г. под "высокую государеву руку" и героизм, проявленный во время трёхмесячной осады города в 1655 г. войсками Радзивилла ("не хотя вашему царскому величеству изменниками быть, все сопча до обороны и бою пошли"[6]), царский воевода постоянно вмешивался в дела городского самоуправления. Московские служилые люди и украинские казаки занимались систематическими грабежами, подрывая благосостояние мещан. Потерпели даже церкви

---

1 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570 – 1667 гг.). Минск, 1963. С. 294.
2 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570 – 1667 гг.). Минск, 1963. С. 299.
3 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 69, 73.
4 Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654 – 67 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 195.
5 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. №№ 58, 63, 70, 76, др.; Сагановіч Г.М. Невядомая вайна: 1654 – 1667. Мінск, 1995. С. 28-33; Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654 – 67 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 189-200.
6 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570 – 1667 гг.). Минск, 1963. С. 332.

Электронный архив библиотеки МГПУ имени А.А. Кулешова

и православная братская школа, имущество которых, книги, типография были вывезены в Россию.[1] Во время очередного мародёрства стрельцов в феврале 1661 г. в городе вспыхнуло антимосковское восстание, в ходе которого был уничтожен практически весь гарнизон, а взятые в плен царские сановники переданы властям Речи Посполитой. Снимая анафему, наложенную на восставший город московским патриархом Никоном, митрополит киевский и епископ могилёвский Иосиф Нелюбович-Тукальский заявил, что освобождает горожан "от всех клятв архиереев неналежных, наипаче Московских, в епархию мою досыть неслушне вдыраючихся...".[2] Тукальского трудно подозревать в особых симпатиях к Речи Посполитой, так как он преследовался польскими властями по обвинению в государственной измене и даже провёл несколько лет в заключении.[3] Он относится к тем православным деятелям, которые выступали за самостоятельность белорусско-украинской церкви. Иной позиции придерживалась значительная часть низшего и среднего духовенства. Так, на решение могилевчан сдать город (1654) большое влияние оказала агитация игумена Кутеинского монастыря Иоля Труцевича,[4] настоятеля Спасского монастыря Иеремии.

Идею политической интеграции с Россией на начальном этапе войны разделяла и часть патриотически настроенной православной шляхты. Об изменении отношения к "великому государю" в этой среде свидетельствует поведение могилёвского шляхтича Константина Поклонского. Приняв в начале войны русское подданство и получив чин полковника, он способствовал добровольной сдаче Могилёва, Чаус, Кричева, других городов, формировал из местных уроженцев лояльный России белорусский казацкий полк. В литературе в связи с этим высказывалось мнение, что Поклонский имел намерение создать на базе Могилёвского и Кричевского поветов "автономную единицу" в составе Русского государства, которой бы управляла шляхта с её "золотой вольностью".[5]

В 1655 г. во время осады Могилева Поклонский переходит на сторону Речи Посполитой. "Костентин Поклонский, не памятуя присяги своей... и нам всем изменя, и с Радивилом снявся" – сообщало об этом царю могилёвское "поспольство".[6] Объясняя в посланиях могилевчанам, московским сановникам, украинским гетманам причины своего "двойного предательства", "белорусский полковник" утверждал, что вначале миссию Москвы он считал справедливой, направленной на защиту единоверного белорусского населения: "Разумел есми, что та война имела быти на освобождение утисненной Руси… яко от государя християнского". Однако время, по его мнению, показало ошибочность этих надежд. Белорусы получили "такое ж лупление домов Божиих, что и от Татар бывало: християн наших, которые в повседневном гонении от униятов пребывали... в вечную неволю забрали, а иных помучили… не только мирских, но и духовных наших забрали в неволю". "В лутчей вольности прежде за Ляхами пребывали...", – утверждает Поклонский. Он пришел к выводу, что многочисленные обещания христианского царя сохранить права и вольности были пустыми, ничего не значащими декларациями, а его войско относится к "освобождённой Руси" так же, как поступают завоеватели с поверженным неприятелем: "... золотые слова на листах шляхте и местом подавано, но их в вопасенье потом обращено, а самой шляхте и мещаном

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. 345-346; Опыт описания Могилёвской губернии. Могилёв-на-Днепре, 1882. Кн. 1. С. 53; Марзалюк І.А. Магілёў у XII – XVIII стст. Людзі і рэчы. Магілёў – Мінск, 1998. С. 76-77.

2 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. С. 279.

3 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 244.

4 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 241-242.

5 Ткачоў М.А. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654 – 67 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 195.

6 Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570 – 1667 гг.). Минск, 1963. С. 332.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

железные волности на ногах надавали, жен и девиц их мучителски тиранско с ними поступя, на вечную неволю отдали, что не чинитца от поган...".[1] По мнению Поклонского, продолжение "страшной войны" грозит "великим изгублением" белорусскому народу. Желая услужить "отчине", "белорусский полковник" в послании к одному из московских вельмож предлагает свои посреднические услуги по примирению польского короля и русского царя, чтобы те "советом добрым кончили ту зачатую войну, и от тое крови християнской чтоб монархи были свобождены" и могли "далее в покое жить". Выступая против продолжения войны между христианскими народами и странами, он высказывает мысль о необходимости объединения Варшавы и Москвы в борьбе с "неверными" турками и крымскими татарами: "… на неприятеля креста святаго и всего християнства те силы свои обратить и освободить християн из неволи турецкой и татарских рук".[2] Такого рода настроение характерно и для Могилевской хроники. Так, в записи за 1695 г. летописец высказывает доброжелательное отношение к Ивану и Петру Алексеевичам в связи с Азовским походом, трактуя его как войну за освобождение "пребывающих под басурманами греко-россов". Он считает, что Петр I был движим не только "верой" и "милосердием християнским", но и стремлением "исполнить справедливую присягу свою, данную королю пану и Речи Посполитой обоих народов".[3]

Война 1654-1667 гг. существенно повлияла на сознание белорусского общества, значительно сократила число приверженцев идеи политической интеграции с Россией. Однако идея целесообразности государственного единения восточнославянских народов под эгидой Москвы по-прежнему присутствовала в национальном самосознании белорусов. Одним из сторонников этой идеи являлся Симеон Полоцкий, предпринявший попытку теоретического обоснования данной позиции. Идея "единодержавия" наиболее откровенно выражена мыслителем в полоцких и витебских "Метрах" (1656), приветственных стихах в честь царя Алексея Михайловича. "Метры на пришествие во град отчистый Полоцк пресветлого благочестивого и христолюбивого государя царя и великого князя Алексия Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы..." были написаны Полоцким в соавторстве с игуменом полоцкого Богоявленского монастыря Игнатием Иевлевичем и дидаскалом братской школы Филофеем Утчицким и прочитаны 5 июля учениками братской школы. В них прославляется "Белая Русь" и российский самодержец: "Лобзает вся Росия, Белая з Малою, веры просветившися светом под тобою... Ты от нужды вражия избавил, Россию белу во свете поставил,.. прежде напастей бурею стемнелу и оскорблену". Алексей Михайлович провозглашается "единым царём восточным", "царём обладателем, дедичем милостивым". Утверждаются древность и наследственный характер прав московского царя на земли "россов", в том числе "отчыный Полоцк", преемственность Киевской и Московской Руси: "Иже от Владимира наследне царствует, всю дедичным Русь правом слушне обыймует". Военные действия России Полоцкий трактует как освободительную миссию, избавление единоверного белорусского населения "от поруганий, от бед", притеснений со стороны "апостатов" (католиков и униатов).[4] Аналогичные по содержанию "Метры" были оглашены в Витебске: "Радуйся, Белорусская земля, иж упадают ереси в тебе през Алексея пречь ищезают... Тот всем россом царь, князь и государь и обладатель, церкви же святой велий заступник и благодетель... Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшаго, белорусский же от нужды народ весь свободшаго". Автор призывает соотечественников "не бояться" и "не

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. 542, 549-550.
2 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 122-123.
3 Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 248.
4 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 27-33.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

устрашаться", а признать государя, склониться перед царём "всех россов", "великим князем всей российской земли дедича", несущего "свободу". Полоцкий подчёркивает принадлежность "белорусского народа" ко "всему роду российскому", "белорусскую землю" рассматривает как часть "российской земли".[1]

Произведения мыслителя пронизаны идеей богоизбранности московского самодержца, война с Речью Посполитой объявляется богоугодным делом, освященным божьей волей: "Богом нам даный православный царю, России всея верный господарю!".[2] В стихах "На счастливое возвращение его милости из-под Риги", "Приветствие на взятие Дерпта", "Приветствие избрания на польский престол", "Стиси краесогласнии ко пресветлейшему…Алексию Михайловичу" и других Полоцкий проводит мысль о том, что целью русского царя являются не территориальные захваты, а радение за чистоту православной веры [3] "Прогнавы мрачны з Руси еретики, буди ж победах преславлен во веки!" "Буди Константин и Владимир миру, сотри кумира и прослави веру", "Светом веры просветятся люде от тебе, царю".[4] Движимый идеей православного "царя-освободителя", поэт пишет ("Желание творца") о своем стремлении "царску славу возгласити по всей России и где суть словяне".[5] Не желающие признать власть московского самодержца могут, по его мнению, подвергнуться наказанию и быть принуждены к покорности силой: "победит враги, смирит супостаты, иже не хошчют за царя знати".[6]

Оценка С.Полоцким войны России с Речью Посполитой явно контрастировала с подлинными целями русского самодержавия, но автор был искренне убеждён, что вхождение Беларуси в состав России является благом для белорусского этноса, условием его сохранения в обстановке усилившейся в Речи Посполитой в середине XVII в. католической реакции. По мнению С.А.Подокшина, Полоцкий "утратил всякую надежду на то, что национально-освободительное движение белорусского и украинского народов найдёт понимание у руководства Речи Посполитой", и поэтому единственным выходом из создавшегося положения видел объединение с Россией в едином государстве.[7]

Историософские воззрения Полоцкого нашли последователей в отечественной мысли. Созвучные идеи высказывал анонимный белорусский поэт, автор стихов "О взятии Смоленска": Воюет ц(а)рь православный, царь Алексей Михайлович, восточного царства дедич. Идет Литвы воевати, свою землю очищати".[8] За присоединение Беларуси к России выступал видный деятель белорусской культуры Илья Копиевич. Этнографические источники XVII – XVIII вв. указывают на существование в сознании белорусов братского отношения к русскому народу, а также царистских иллюзий, надежды на помощь "единоверной Москвы" в освобождении от национально-религиозного притеснения: "Ой колыб, колы москали прышлы, москали прышлы – наши сродные, наши сродные, веры одныя! Добре нам было, счастно нам было: коли Русь уся, тримаючися, одной силой за одно была".[9] Во второй половине XVIII в. эти настроения были использованы при разделах Речи Посполитой и включении белорусских земель в состав России.

---

1 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 228-229.
2 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 455.
3 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 33-40, 392 (коммент.); Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 454-459.
4 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С.455, 456; Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 36.
5 Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 253.
6 Полоцкий С. Вирши. Минск, 1990. С. 41.
7 Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мінск, 1990. С. 249.
8 Цит. по: Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. Мінск, 1980. С. 61-62.
9 Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. Минск, 1960. Т. 2. С. 463.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова